

© С.В. КОНДРАТЬЕВ

skondratiev@utmn.ru

УДК 930.1

**ИДЕЯ ПОРЯДКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ АНГЛИИ***

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются основные компоненты идеи порядка, представленной в произведениях и публичных речах предреволюционной Англии.

SUMMARY. The article analyses basically components of the concept of law, as it presents in the works and public statements.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Англия, порядок, право, юристы, органические метафоры, политическое тело.

KEY WORDS. England, order, law, lawyers, organically metaphors, political body.

Для Средних веков характерна статическая картина мира, который воспринимался как сотворенный Богом, иерархичный, неизменный и вечный. Свойственный средневековому сознанию традиционализм ориентировал людей на воспроизводство жизни своих родителей и на укрепление своей корпорации (тела), частью которого он являлся. Любые перемены таили опасность и воспринимались как зло и грех. В динамичной картине Нового времени, напротив, люди оказались нацелены на общественные сдвиги и на достижение личного успеха.

Предреволюционная Англия жила в условиях ощущающегося социального, политического и конфессионального напряжения, в преддверии незаметно надвигающейся гражданской войны. В XVI в. она пережила Реформацию и двукратную смену религии. Следствием роста рождаемости стало появление масс пауперов, которые оказались вне привычного социума и привычной картины гармоничного мира.

Эта утрата порядка выпукло представлена Джоном Донном в знаменитой поэме «Анатомия мира» (1611):

Все новые философы в сомненье,
Эфир отвергли — нет воспламененья,
Исчезло Солнце, и Земля пропала,

* Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (мероприятие 1.2.1. — XIV очередь). Номер заявки 2012-1.2.1-12-000-3001-017.

А как найти их — знания не стало.
Все признают, что мир наш на исходе,
Коль ищут меж планет, в небесном своде
Познаний новых... Но едва свершится
Открытие — все на атомы крушится.
Все — из частиц, а целого не стало,
Лукавство меж людьми возоблададо [1; 203].

Но жители острова не утратили привычную картину. По мере роста нестабильности отчетливо проявлялась ностальгия по порядку и гармонии, которые они в большинстве своем считали естественными и необходимыми. Чем меньше было порядка и стабильности в реальной жизни, тем большая потребность в них ощущалась [2].

Тот же Джон Донн, разбитый болезнями, в своем знаменитом произведении «По ком звонит колокол» выразил щемящую душу тоску по порядку [3].

Идея порядка предполагала сопоставлять устроенный Богом космос с социальным устройством земного мира людей. При описании мира небесного и земного использовались метафоры, образы и понятия, присущие метафизическому, традиционалистскому сознанию. Картина мира рисовалась в следующем виде. Мир создан по божественному плану. Мир должен быть целостным, единым, гармонично устроенным и поэтому иерархичным. «Бог есть первопричина всех вещей как их образец... Самый порядок, существующий в вещах, которые так сотворены Богом, обнаруживает единство мироздания. В самом деле, мироздание именуется единым от единой упорядоченности в том смысле, что каждая вещь соотносена с другими. Все, что от Бога, соотносено между собой и с самим Богом, как-то показано... Как утверждалось выше, совершенство вселенной требует, чтобы в вещах присутствовало неравенство, дабы осуществились все ступени совершенства» [4; 155-156]. Целостность мира предполагала, таким образом, наличие определенной иерархии между созданными Богом духовными и материальными субстанциями. Каждому элементу творения Господом отведено определенное место, и все они связаны между собой так называемой «великой цепью бытия». Термин «великая цепь бытия» введен в научный оборот А.О. Ливджоем [5], позаимствовавшим эту метафору у поэта начала XVIII в. Александра Поупа. Тот писал, как бы подтверждая способность идеи адаптироваться даже к веку Просвещения:

Великая цепь бытия, берущая в Боге начало,
Собою ты все пронизала.
Потоки эфира и сонмы людей,
Небесных архангелов фазу,
И птицу, и рыбу, и разных зверей,
И тварь, недоступную глазу.

Начало цепи — Бог. Ты ею связан с ним.
Конец ее — ничто [6; 60].

Неравенство и иерархия элементов мироздания обусловлены необходимостью их взаимного соподчинения. Без такого соподчинения, установленного Богом, никакой порядок невозможен. Шекспир описал его в «Троиле и Крессиде»:

На небесах планеты и Земля
Законы подчиненья соблюдают,
Имеют центр, и ранг, и старшинство,
Обычай и порядок постоянный.
И потому торжественное солнце
На небесах сияет, как на троне,
И буйный бег планет разумным оком
Умеет направлять, как повелитель,
Распределяя мудро и бесстрастно
Добро и зло. Ведь если вдруг планеты
Задумают вращаться самовольно,
Какой возникнет в небесах раздор!
Какие потрясения их постигнут!
Как вздыбятся моря и содрогнутся
Материки! И вихри друг на друга
Набросятся, круша и ужасая,
Ломая и раскидывая злобно
Все то, что безмятежно процветало
В разумном единенье естества.
О, стоит лишь нарушить сей порядок,
Основу и опору бытия -
Смятение, как страшная болезнь,
Охватит все, и все пойдет вразброд,
Утратив смысл и меру. Как могли бы,
Закон соподчиненья презирая,
Существовать науки и ремесла,
И мирная торговля дальних стран,
И честный труд, и право первородства,
И скипетры, и лавры, и короны,
Забыв почтенье, мы ослабим струны —
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжко дышащие волны
Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нисколько;
Понятия вины и правоты —
Извечная забота правосудья —
Исчезли бы и потеряли имя,
И все свелось бы только к грубой силе,
А сила — к прихоти, а прихоть — к волчьей
Звериной алчности, что пожирает
В союзе с силой все, что есть вокруг,
И пожирает самое себя [7; 348-349].

В идеале социальный мир людей ничем не должен был отличаться от мира небесного. Заместителем Бога на земле, по мнению некоторых постреформационных идеологов, являлся монарх. Подданным надлежало с рождения пребывать на тех социальных ступенях или в тех социальных звеньях, на которые

они были определены судьбою. Социальное устройство мира рисовалось иерархичным и гармоничным, а общественный порядок — частью божественного плана [6; 17-19]. В начале XVI в. Эдмунд Дадли по этому поводу писал: «Бог устроил порядок взаимоотношений между ним и ангелом и между ангелом и ангелом через милосердие; между ангелом и человеком и между человеком и человеком через разум; между человеком и животным и между животным и животным через естество. И всем — сверху донизу — Бог повелел придерживаться крепко такого порядка без всякого противодействия» [6; 18]. Как отмечает С. Коллинз: «Тюдоровские теоретики считали, что «порядок» является естественным, то есть божественным. Любая социальная и политическая конструкция существует как отражение естественного, Богом установленного порядка; и это отражение соответствует божественному установлению» [8; 16]. Они не жалели чернил и перьев, доказывая необходимость сохранения той социальной упорядоченности и иерархии, которая, как шагреновая кожа, исчезала у них на глазах. Специально подчеркнем, что в центре их рассуждений о порядке, иерархии и гармонии находилась именно социальная проблематика. Они писали скорее об обществе, соотнося его с космосом, чем о государстве [9; 1].

Видимо, к концу елизаветинского правления начинает приходить понимание того, что помыслы о социальной гармонии не что иное, как иллюзия. Поэтому в конце XVI-начале XVII вв. в центре рассуждений политических писателей встает уже не проблема общества и социальной гармонии, а проблема государства и политического порядка [9; 109]. Многие из них пишут о государственной власти как о главном гаранте общественной стабильности. «Система управления (government), — считал в начале XVII в. пуританский проповедник Роберт Болтон, — это фундамент и основа всех государств и королевств, цемент и душа человеческих начинаний, жизнь общества и порядка, животворящий дух, дающий людям возможность жить в мире и процветании» [10; 17].

Единого видения государства, призванного обеспечить социальный порядок, не сформировалось. Одни авторы пытались использовать идею божественного плана и проводить аналогии между небесным и государственным устройством, другие под влиянием Макиавелли, учитывая исторический опыт собственной страны, последствия религиозных войн, прошедших на континенте, склонялись к тому, что порядок и стабильность устанавливаются не по божественному плану, а по плану самих людей [11]. Отдельные элементы этой идеи исследователи находят в сочинениях У. Рэли, Ф. Бэкона, Т. Элиота, которых не пугали нововведения в системе государственного устройства. Некоторые юристы-антиквары (Дж. Селден, Г. Спелман) начали утверждать, что в своей истории Англия уже не раз обновляла государственный порядок и в этом нет ничего страшного и необычного. В наиболее законченном виде эта идея найдет свое отражение в ходе Английской революции в «Левиафане» Т. Гоббса, который много страниц посвятит «искусству» государственного строительства и государственного управления [8; 109-148]. За этими мыслителями стояло конкретное знание, добытое либо в результате исторических изысканий, либо выведенное посредством вдумчивых наблюдений за повседневной реальностью. Представители первого направления продолжали опе-

ризовать метафизическими мифами. Представители второго, которое В. Гринлиф назвал «эмпирическим», — историческими источниками, находками и результатами исследований.

В начале XVII в. для характеристики государства политические писатели использовали чаще всего метафору «политическое тело», которое сравнивали с естественным человеческим телом. Короля в таких построениях соотносили с головой или душой, подданных — с членами, а взаимные связи, через которые осуществляются функции управления, подчинения и повиновения, — с «жилами». В 1606 г. Эд. Форсет писал об этом в трактате, имеющем характерное название «Сравнительное обсуждение естественного и политического тел». По его словам, Бог, создавая человека, сделал душу активной, а тело пассивным. Душа, по его мнению, служит олицетворением власти, а тело — олицетворением подданства. Обращаясь к характеристике политического тела, он пишет: «Во всяком гражданском состоянии наличествует указующая и распределительная власть и повинующееся и подчиняющееся подданство. Ибо как только из одной души или только из одного тела... не может состоять человек, так и из одного правителя или одних подданных не может состоять государство» [12; 3]. Все члены «политического тела» должны действовать согласованно друг с другом, иначе вместо порядка возникнет хаос и анархия» [12; 48-49].

Органические метафоры использовались повсеместно. Например, государство, испытывающее какие-либо потрясения, принято было называть «больным». При «лечении политического тела» предписывалось прибегать к приемам медицины. «Образованный и искусный врач, — писал Т. Уилсон в трактате «Англия в 1600 г.», — когда он действительно желает понять состояние и возможности какого-либо тела, первым делом поступает так. Он слушает пульс, то, как тот бьется, и тем самым определяет жизненные силы, которые тот содержит, и энергию, которую человек имеет. Затем он задает пациенту различные вопросы. Как с телом обращаются (howe the body have been governed)? Каково питание, содержание (order), нагрузки? Он предпринимает внешнее обследование: осматривает лицо, тело и каждый его член. Далее он переходит к изучению внутреннего и невидимого. Он изучает сны, восторги, рассудок, иногда фантазии — все то, о чем трудно судить определенно. Такого же правила следует держаться при изучении тела политического, т.е. королевства или государства. Вначале мы должны почувствовать пульс. Каково состояние в его главной точке: независимо государство или зависимо, наследственное здесь правление или избираемое, находится оно в процессе роста или упадка, а затем произвести его внешний осмотр и перейти к изучению внутреннего» [13; 1].

Конечно, юристы в своих сочинениях использовали, как правило, «язык общего права», сугубо правовую терминологию. Думается, однако, что «органическая концепция», относящаяся скорее к сфере общекультурных представлений, не была им чуждой. Например, Г. Финч пишет: «Население королевства следует считать либо единым телом, либо частными лицами. Как единое тело королевство состоит из короля и его подданных (The persons within the realm are to be considered either as one intire body, or as particular persons. As one intire body it consisteth of the king and common persons his subjects)» [14; 80-81]. У Ф. Бэкона можно встретить элементы «органической концепции». В 1603 г., обращаясь к незадолго до этого вступившему на английский престол Якову I, он писал:

«Я полагаю, что весеннее время года — лучшая пора для очищения и врачевания естественного тела, так же как весна королевства — лучший период для очищения и восстановления тела политического» [15; 106]. «Органический след» можно отыскать в работах его личного врага и политического оппонента Эд. Кока. «По старинному праву, наше королевство Англия является абсолютной империей с монархической формой правления, состоящей из одной головы — короля и политического тела, на котором много часто неразличимых, но все-таки согласованных друг с другом членов» [16; XXVII]. Корпорации, как и государства, существуют, пишет Эд. Кок, постоянно. Симптоматично, что их он вслед за своим старшим современником Литтлетоном называет «политическими телами». «Тело политическое есть то, что существует постоянно, сформировано (как способность к чему-либо) сообществом (by polici), и поэтому названо Литтлетоном «телом политическим»; и оно также зовется корпорацией, или телом единым, поскольку люди, из которых создано тело, обладают способностью брать и даровать. Такое политическое, или инкорпорированное, тело может начинаться или учреждаться тремя способами, а именно: посредством предписания, патента или актом парламента. Всякое тело политическое, или корпорация, есть либо тело церковное, либо светское... И это тело политическое, корпорация, или собрание многих является тем же, что цивилисты называют коллегией или universitas» [17; 250a].

Понятно, что и традиция, и повседневные политические реалии убеждали, что государственная стабильность и порядок невозможны без следования регулирующим нормам права. Но язык юристов того времени в значительной мере насыщен органическими метафорами. У. Ной писал: «Право есть жизнь государства, нормы права — есть жилы, связывающие части государства» (the Law is the life and sinews of every commonwealth). Например, Г. Финч определял право через искусство, мастерство, без которого невозможно существование хорошо организованного гражданского общества (Law is an art of well ordering a civil society) [18; 330]. Эд. Кок, наиболее последовательный сторонник традиционной концепции права, считал, что в государстве все его элементы должны всегда оставаться на своих местах, держаться «своего права», тогда оно будет нормально жить и функционировать. Он пишет об этом так: «Как в человеческом теле наилучший порядок бывает тогда, когда каждый отдельный его член выполняет положенную ему функцию, так и управление государственным телом наилучшим бывает тогда, когда каждый орган правосудия действует в пределах собственной юрисдикции. Но если глаз, функция которого — смотреть, рука, функция которой — работать, ноги, функция которых — ходить, начнут узурпировать и посягать на функции друг друга, как, например, руки или ноги станут посягать на функцию глаза — видеть, или начнут делать что-нибудь подобное, то такое поведение неизбежно вызовет расстройство, мрак и приведет все тело к беспорядку и в конце концов к разрушению. То же характерно и для государства (Правосудие главный хранитель которого): если одно учреждение начнет узурпировать или посягать на полномочия другого, хотя это следует считать маловероятным, рухнет Правосудие и, в конце концов, возникнет полный беспорядок» [19; Proemium].

Для того, чтобы право могло осуществлять свою охранную функцию, нужны определенные условия, прежде всего — мир, отсутствие войн и мятежей.

Общественные катаклизмы и вооруженные конфликты между государствами, когда право нередко утрачивает свою способность к принуждению, и сила заменяет собою право, он считал, видимо, главными причинами, ведущими к нарушению законов и несправедливости. «Время мира, — заявлял он, — есть время права и соблюдения прав, а время войны — есть время насильственного угнетения, которое не может быть остановлено ординарным законом. И, следовательно, все имеющие место преступления, проступки или изъятия имущества могут быть пресечены в мирное время, но если они совершаются во время войны, они не попадают под правовую ответственность» [17; 249b].

Нетрудно заметить, что в предреволюционной Англии средневековые представления о порядке и праве как о главных компонентах идеи божественного плана не потеряли своей актуальности. Государственный и социальный порядок представлялся невозможным без удерживающего все элементы на своих местах права. По сути, реализующееся ежедневно право и есть порядок. Главными антитезами праву в произведениях того времени выведены анархия, несправедливость и беспорядок. Люди начала XVII в. говорят о вертикальном, иерархическом порядке, который должен был поддерживаться соответствующим правом. Представления о горизонтальном порядке с присущей им идеей равенства были либо неизвестны в начале XVII в., либо, скорее всего, отвергались интеллектуалами, близкими элите. Однако через сорок лет идея равенства займет весьма прочное место в сознании англичан.

Таким образом, социальные процессы, затронувшие тюдоровское и ранне-стюартовское общество, причудливым образом воздействовали на человеческое сознание. Чем меньше порядка оставалось в жизни, тем большая потребность в нем ощущалась. Участвуя в бурных парламентских дебатах 1628 г., где как никогда до этого остро был поставлен вопрос о вольностях подданных и границах королевской власти, Эд. Кок считал необходимым заявить: «Порядок есть сущность и достоинство государства. Иов говорит, что в аду нет никакого порядка» (Order is the essence and virtue of a commonwealth. Job says that in hell nullus ordo) /Иов. X,22/ [20; 514]. В годы революции ностальгию по порядку ощущали и роялисты, и их противники. Например, роялист Гриффит Уильямс, выступая в 1643 г. против действий парламента, и пресвитерианин Уильям Принн, оспаривая требования индипендентов и левеллеров в 1648 г., апеллируют к идее порядка и воспроизводят, по сути, одну и ту же аргументацию. «Хотя среди творений Бога каждый цветок не может быть лилией, каждый зверь — львом, каждая птица — орлом, а каждая планета — солнцем, — писал первый из них, — появилось сообщество людей, претендующих на то, чтобы стать новой церковью. Они исповедуют учение о том, что все люди равны перед Богом. Обрезанные и необрезанные, скованные и свободные, господа и слуги, еврей и язычник, варвар и скиф, скоморох и придворный, богатый и бедный — все они равны перед Богом. Титулы королей, господ, рыцарей и джентльменов не были сотворены Богом, но придуманы человеком. Тот, кто их придумал, шел за тщеславием, но не за Богом. Утверждать так, подытоживает Г. Уильямс, значит уравнивать всех, не допускать превосходство одного перед другим, ратовать за исчезновение короля, господина и джентльмена» [21; 30-31].

У. Принн в своих аргументах более последователен: «Властвование, верховенство, монархичность, управление и знатность заложены в природе и являются собственными институтами Господа. Он не только подчинил всех зверей и тварей верховному господству человека, которому он дал власть над ними <...>, но также подчинил одного человека другому, детей родителям, жен — мужьям, слуг — господам, подданных — королям, солдат — капитанам, моряков — кормчим, школяров — учителям, людей — духовникам. Если начать отрицать и разрушать этот порядок, возникнет полный и скорый хаос во всех семьях, корпорациях, государствах, королевствах, армиях, гарнизонах, школах, церквях. И распадутся все человеческие сообщества, которые только и существуют благодаря порядку и соподчинению одного другому... Я, следовательно, иду за святым апостолом Павлом в его предупреждении, которое эти упрямые люди (сектанты и левеллеры — прим. авт.) напрочь забыли: «Всякая душа да будет покорна высшим властям. Ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти (а вы много более противитесь и сопротивляетесь — вставлено У. Принном) противятся (противитесь и сопротивляетесь — вставлено У. Принном) БОЖИЮ УСТАНОВЛЕНИЮ (выделено У. Принном), а противящиеся сами навлекут на себя ОСУЖДЕНИЕ (выделено У. Принном)» (Рим. 13:1,2) [21; 32-33].

Стремление описывать и объяснять действительность в привычных терминах, как мы видим, продолжало доминировать в сознании. Более адекватное восприятие действительности являло свои все еще нечеткие черты у отдельных авторов. «Иная реальность», существующая в традиционалистском сознании англичан, едва обнаружила тенденцию к перемене. Деформация существующей социальной системы только начала смещать ценностные парадигмы. Поэтому одни авторы продолжали полагаться на таинственную способность права обеспечить порядок, тогда как другие начали приходить к выводу, что добиться этого можно только через использование принудительной силы государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донн Дж. Стихотворения и поэмы. М., 2009.
2. Eccleshall, R. Order and Reason in politics. Theories of Absolute and Limited Monarchy in Early Modern England. Oxford, 1978
3. Донн Дж. По ком звонит колокол. М., 2004.
4. Из произведений Фомы Аквинского // Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1975.
5. Lovejoy, A.O. The Great Chain of Beign. New York, 1936.
6. Greenleaf, W.H. Order, Empirism and Politics. Two traditions of English Political Thought, 1500-1700. Oxford, 1964.
7. Шекспир У. Троиц и Крессида // Шекспир У. Полн. собр. соч. Т.5. М., 1959.
8. Collins, S.L. From Divine Cosmos to Sovereign State. An Intellectual History of Consciousness and the Idea of Order in Renaissance England. New York, 1989.
9. Morris, Ch. Political Thought in England from Tyndale to Hooker. Oxford, 1953.
10. Sommerville, J.P. Politics and Ideology in England. London, 1986.
11. Pocock, J.G.A. The Machiavellian moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975.
12. Forset, E. A comparative discourse of the bodies natural and politique. London, 1606.
13. Willson, T. The State of England, anno Dom. 1600 // Camden Miscellany. London, 1936.

14. Finch, H. Law, or, a discourse thereof. Savoy, 1759.
15. Bacon, F. Certain Considerations touching the better Pacification and Edification of the Church of England // The Works of F. Bacon / Ed. by J. Spedding. Vol. 10. London, 1868.
16. Coke, E. The Reports of Sir Edward Coke, Knight / Ed. by Y.H. Thomas, Y.F. Fraser. Vol.III. Pt.5. London, 1826.
17. Coke, E. Institutes. Pt.I. London, 1796.
18. Noy, W. A Dialogue and Treatise on the Law // Noy, W. Principal Grounds and Maxims. Lincoln's-Inn, 1821.
19. Coke, E. Institutes. Pt.4. London, 1797.
20. Commons Debates 1628 / Ed. by R.C. Johnson, M.F. Keeler, M.J. Cole and W.B. Bidwell. Vol.III. New Haven, 1977.
21. Political ideas of the English civil wars, 1641-1649. A collection of representative texts with a commentary / Ed. by A. Sharp. London, 1988.